

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКИЙ СМЫСЛ И СОЦИАЛЬНАЯ РОЛЬ КЛАССИФИКАЦИИ РИТОРИЧЕСКИХ ФИГУР

Г.Г. Хазагеров

Южный федеральный университет

344005, Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, д. 105

В статье речь идет о классификации риторических фигур. Классификации рассматриваются в аспекте их целей. Автор считает, что классическая риторика не ставила перед собой цели дать систематическое описание фигур. Античные списки терминов были простыми каталогами вроде современных коммерческих каталогов. Но в аспекте культивирования коммуникативного пространства такой подход был релевантным. Опыт классической риторики мог бы быть использован сегодня, потому что логически строгие классификации фигур утратили свою социальную роль к концу двадцатого века. Адекватный подход к классификации зависит от целей говорящего. Первая группа таких целей связана с достижением эффекта *здесь и сейчас*. Мы называем это ближней прагматикой. Вторая — с репутацией или имиджем говорящего. Это продолженная прагматика. Третья — с задачей культивирования коммуникативного пространства. Это дальняя прагматика. Таким образом, мы получаем три стратегии классификации риторических фигур, которые могли бы иметь не только академическое, но и социальное значение. В связи с ближней прагматикой главная цель классификации — учебная. Классификация должна быть простой и запоминающейся. Что касается продолженной прагматики, мы должны связать фигуры с интенциями, ориентированными на достижение того или иного имиджа. Следовательно, нам необходимо создать атлас таких интенций. В связи с дальней прагматикой следует составлять открытые списки фигур на античный манер и заботиться о распространении этих списков в публичном пространстве вне университетских стен.

Ключевые слова: риторика, классическая риторика, риторические фигуры, классификация

1. ВВЕДЕНИЕ ПОСТАНОВКА ЗАДАЧИ

Тысячелетний спор о классификации риторических фигур проходит на фоне существенных, хотя и не всегда артикулированных изменений в понимании функции фигуры и — главное — на фоне изменения целей таких классификаций.

Настоящая статья представляет собой попытку ответить на вопрос, нужно ли в контексте вызовов нашего времени как-то систематизировать описание риторических фигур, и если нужно, то какого рода должна быть эта систематизация: должна ли это быть строгая, логически замкнутая классификация или следует предлагать открытые списки фигур? Какой принцип следует положить в основу систематизации именно сегодня, учитывая не только то, что мы знаем о семиотической природе фигуры, но и то, что мы знаем о ее социальной роли?

Моя гипотеза состоит в том, что античные списки фигур (Lausberg, 1960), неоднократно ругаемые за логическую небрежность и терминологическую избыточность, были абсолютно адекватны задачам своего времени. Далее, что становление классицизма дало иной подход к систематизации риторических фигур и к самому пониманию риторики, уступившей многие свои функции другим дисципли-

нам (Lachmann, 1994). Новый подход, заявивший себя в стилистике и культуре речи и повлиявший на работы по риторике, сохранял свою адекватность примерно до конца двадцатого века.

Наконец, гипотеза состоит в том, что сегодняшняя культурно-языковая ситуация требует иного подхода, в чем-то сближающегося с исконным, но требующего существенного обновления. Контуры сегодняшней ситуации определяет роль языка сети, устных СМИ, глобализация, скорость обмена информацией, мультимедийность и т.п. В частности, для англоязычного мира это еще и влияние разных вариантов английского языка на языковой стандарт, с чем в первую очередь связывается проблема преподавания языка в обычной и высшей школе (Crystal, 2015). Для русского мира, где принято говорить не о стандарте, а о литературной норме, мысль идет по линии либерализации нормы. И если некоторое время назад речь шла о том, что норма идет за более демократическим носителем, уходит от узуса элит (Сиротинина, 2001), то позднее стало понятным, что она просто ослабевает и — что главное — изменяется отношение к ней (с пиитета на индифферентное). В этом смысле трудно согласиться с тем, что «культура шагнула далеко вперед (именно вперед!) и соответственно усложнилось ее нормирование» (Аннушкин, Карпюк, 1997:167). Со временем стали говорить об эластичности нормы и эластичности ее кодификации (Саари, 1986), что, конечно, не решает проблемы, так как не затрагивает характера отношений носителей языка к норме. В связи с этим и предлагается подход, основанный на стимуляции своего рода нормативной самоорганизации.

В статье рассматриваются главным образом словесные фигуры и логически тяготеющие к ним тропы. Дело в том, что фигуры мысли, будучи тесно связанными с античной судебной традицией (Гаспаров, 2000), изначально описывались функционально, хотя и не всегда точно лингвистически. Например, обсекация есть «мольба», пролеписис — «предвосхищение». Фигуры же словесные в основном получали ясное структурное описание, но функционально не описывались, потому что риторика на протяжении веков не была знакома с семиотикой и не шла дальше констатации того, что эти фигуры связаны с «чувствами», установить же связь между фигурой и конкретной эмоцией было невозможно. Например, геминация — двукратный повтор — могла выражать сожаление, как в примере, приводимом Квинтилианом (Quintilians, 1909:191) и ставшим прецедентным высказыванием, попавшим в словарь латинских выражений:

O Coridon, Coridon, quae te dementia cepit
 O Коридон, Коридон, что за безумие тобой владеет.

Но такой повтор может передать и чувство радости. Достаточно поздно появились работы, толкующие словесную фигуру как иконическую диаграмму протекания эмоций (Хаззагеров, 1987). Радость он выражает или горе, но повтор всегда говорит о неизменности чувства, о «застревании» на нем.

В результате отсутствия связи с функцией все классификации словесных фигур объявлялись формальными, ошибочными вследствие своей «нефункциональности» (Будагов, 1967:127). Эта точка зрения поддерживается и сегодня. Мне же

более естественным представляется путь поиска функции у той или иной заведомо очерченной структуры. Ведь, не установив функции падежей, что было совсем непросто, можно было бы придти и к отрицанию грамматики как «формальной». Однако в предлагаемой статье речь идет не о простой функциональности, а именно о телеологическом (целевом) подходе к классифицированию. При функциональном взгляде на вещи мы отвечаем на вопрос, зачем используется то или иное языковое средство (ср.: функциональная стилистика). При телеологическом — зачем, для чего, ради каких результатов мы изучаем и описываем языковое явление.

2. КОЛЛЕКЦИОНИРОВАТЬ ИЛИ СИСТЕМАТИЗИРОВАТЬ?

В определении риторической фигуры устойчиво используется признак «необычности», встречаясь уже у истоков риторики (Spengel, 1856:11; Quintilians, 1909:144—147), в работах позапрошлого века (Mar, 1842:113), прошлого века (Lanham, 1968:52; Топоров, 1990:542) и сегодня вплоть до блогосферы. Сегодня он трактуется или понимается по умолчанию преимущественно как нарушение языковых норм — в области синтактики, если речь идет о словесных фигурах, и семантики, если речь идет о тропах. «Нарушение» — это почти незаметный сдвиг от исконного представления об «отклонении», сохранившегося в этимологии слова «троп» («поворот»). Ср. трактовку М.Л. Гаспарова: «Фигурами (schemata, «позы», т.е. положение тела, отступавшие от спокойной неподвижности) назывались в античной словесности все выражения, отступавшие от неопределенной нормы, которая считалась разговорной естественностью» (Гаспаров, 2000:446). По моим наблюдениям, идея уклонения в той или иной форме выражена в англоязычных дефинициях чаще, чем в русских, но это в целом не меняет дела. Превалирует именно идея нарушения, вызывающая к жизни представление о субституции и выборе. Правильную с грамматической точки зрения конструкцию мы заменяем на необычную, неправильную, т.е. совершаем акт выбора в пользу интенционального отклонения от нормы, хорошо известного современной лингвистике (Куликова, 2004:72—75). Изначально же отклонение от обычного идею замены не артикулировало и не предполагало выбора из дискретного списка вариантов, чему можно найти множество доказательств в античных списках. Например, в каком смысле хариентизм, то есть веселую, насмешливую и тем необычную речь, можно назвать тропом или фигурой? Более подробно мне уже случалось писать об этом (Хазазеров, 2004).

Однако отклонения, как и нарушения, легко систематизировать, опираясь на тип нарушения. Самое простое — это опереться на метаплазм, то есть изменение в звуковом слове без изменения значения (Encyclopedia of Rhetoric and Composition, 1996:270): «ма-аленький», «здрасьте» и т.п. Как можно добавлять, опускать или переставлять звуки и буквы в слове, так и в речи можно делать то же с целыми словами. Это и дает наиболее известные и распространенные в России и за рубежом классификации фигур (Mar, 1842; Вульман, 1990; Гаспаров, 2000) классификации фигур, где наличествуют фигуры прибавления, убавления и изменения (наиболее логично — инверсии и разрыва). Кроме того, выделенные таким

образом фигуры удобны тем, что они могут быть соотнесены и с композицией текста в целом (Lausberg, 1960). Так, кольцевой повтор может определить композицию целого текста.

Открытым остается главный вопрос: зачем нужна эта классификация?

Классификация, несомненно, удобна и, видимо, телеологический ее смысл к этому удобству и сводится: возникает возможность дать более или менее закрытый список синтаксических явлений, который в наши дни можно назвать и системой на том основании, что элементы этого списка находятся между собой в кристально ясных логических отношениях. В этом смысле можно приветствовать и классификацию, основанную на аналогиях с действиями арифметики (Bonheim, 1975). Тропы чаще всего в эту классификацию не входят, но сами они являют логически образцовую систему (особенно в работах Якобсона [Jacobson, 1956]) и мыслятся как субституция, а не как «поворот»: прямое значение заменяется переносным, а последнее в свою очередь образует простой набор возможностей.

Критикуя соблазн идти вслед за метаплазмом, современный исследователь И.П. Москвин (Москвин, 2016:53) предлагает свою классификацию, также основанную на нарушении нормы, но нормы скорее коммуникативной, чем языковой, то есть речь идет не о грамматически девиантных формах, а девиациях в форме самого общения. За точку отсчета автор берет известные постулаты Г.П. Грайса (Grice, 1975), воплощающие именно коммуникативную норму, и качества речи, образующие наименования тех зон, где происходят отклонения. Например, в этом плане может быть рассмотрена намеренная краткость речи или, напротив, намеренная пространность. В самом деле, следует беречь время адресата речи. Руководствуясь этой нормой, редакторы одно время объявили такую суровую войну с любым намеком на плеонастичность, особенно с иллеизмами, что пушкинское «Товарищ верь, войдет она, звезда пленительного счастья» должно было восприниматься как солецизм. Кстати, солецизм, что отмечал ее Квинтилиан, вообще трудно отличить от фигуры, а если описывать их через отклонение от коммуникативных норм, это будет сделать еще трудней.

Однако отклонение от коммуникативной нормы представляется более верным для понимания классической риторики, чем экстраполяция на античные теории наших представлений о языковой норме, сложившихся в 20—30 гг. двадцатого столетия (Матезиус, 2003; Edlicka, 1964). При этом отклонения от коммуникативной нормы — это скорее именно отклонения, чем нарушения. Как и сам античный метаплазм, они связаны с количественными изменениями, а не с выбором готового варианта, как это сформулировано пражанами и другими учеными XX в. в классической теории нормы: система, вариант, норма (Coseriu, 1952). Пространная речь может быть по-разному пространна, здесь играет роль количество. А выбор правильного или неправильного падежного окончания с количественными отношениями не связан.

Словом — такой подход приближает нас к основам риторики и, кстати, создает те же проблемы в отношении логической последовательности. Открытым, однако, остается вопрос: ради чего мы классифицируем? В свое время один из самых авторитетных в области фигур российских авторов Аркадий Горнфельд писал, что

в полном списке фигур нет необходимости, так как язык развивается, и мы не должны опираться на традиционные, но случайные схемы (Горнфельд, 1902). У меня, как у современного автора, рука не поднимается назвать традиционное случайным, но, учитывая то, что традиции эти забыты, высказывание Горнфельда приобретает особую актуальность. И здесь уместно задаться вопросом, ради чего составляла свои списки сама классическая риторика.

Мне кажется, что если мы не будем ставить Декарта на место Аристотеля, современную рациональность — на место античной, классификацию на место каталога, риторика классицизма — на место классической риторики, мы неизбежно придем к выводу, что у истоков риторики стоит коллекционирование фигур, а не их научная систематизация. Важно было не классифицировать уклонения, а копить их, расширяя список прецедентов необычной, но оправданной с коммуникативной точки зрения речи. Мне уже случалось писать и говорить, что больше всего это похоже на коммерческий каталог или журнал мод (Хазагеров, 20016).

В самом деле, в античных каталогах мы повсюду сталкиваемся с несоблюдением родовидовых отношений, с отсутствием правильных дефиниций, притом что само представление о таких дефинициях (через указание на ближайший род) восходит к Аристотелю. Это свидетельствует о том, что цель риторического каталога (академик Аверинцев настойчиво употребляет именно это слово, говоря об античных списках) не наведение логического порядка, а культивирование коммуникативного пространства.

Было бы странно думать, что мышление, так тесно связанное с авторитетами и прецедентами, постоянно имеющее перед глазами мифологию, то есть те же авторитеты и прецеденты, будет склонно к логическому пуризму в такой жизненно важной, практически важной сфере, как риторика. В трактате Трифона тропы, по словам современного исследователя, расположены без видимой системы (Асинович, 185). В дальнейшем мы имеем целую группу трактатов, следующих за Трифоном (Трифон, 1901) вплоть до славянского «О образех» (Хазагеров, 1994), начинающегося с анонса «творческих образов есть 27». В чем смысл этого числа? Быть может, из последовательной трихотомии? Нет. Просто перед нами коллекция. Некоторые ораторы, вспоминает Квинтилиан, удачно придумывают новое слово: скажем, «сульствовать» (от имени диктатора Суллы). Это называется ономотопеей (то есть выдумыванием имени). Но лучшие прецеденты ономотопеи связаны со звукоподражанием, поэтому ономотопеей начинают называть только звукоподражания, что и сохранилось до сих пор. Так стоит ли риторические каталоги, работающие, так сказать, в интерактивном режиме, называть классификациями?

Для классической риторики ясна цель описания фигур, а способы презентации коллекций зависели не столько от логики, сколько от вкусов. Вкусы и позже играли известную роль в формировании списка фигур. Так, в работе Е.В. Маркасовой «Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века» один параграф называется «Состав риторических фигур как показатель литературных вкусов эпохи» (Маркасова, 2002: 113). Главное же — копить фигуры, копить признанные способы улучшения речи, преодоления «варварства», куль-

тивирования словесного космоса. Аналогичным образом выглядела, о чем свидетельствует сочинение Витрувия и архитектурная мысль. В каком смысле архитектурные ордера Витрувия образуют строгую систему? Можно строить храмы в антах, но можно и не в антах, на это есть простиль, амфипростиль, периптер, псевдодиптер, диптер и гипетр (Витрувий, 1936:67). Дорическая колонна похожа на мужчину, а ионическая — на женщину, но есть и коринфская, похожая на девушку. А в Эрехтейоне в одном из фасадов используются кариатиды. Эрехтейон похож на драмы Еврепида. А Парфенон — на драмы Эсхила. Таков мир прецедентов.

Совершенно иные задачи стояли перед риториками классицизма, а именно они оказались нашими ближайшими предшественниками, определившими современное стилистическое мышление и во многом мышление авторов, занимающихся сегодня риторикой.

Задачи культивирования речи, бенефициарами которого были сами ораторы и их слушатели, сменилась задачей регламентации речи, бенефициаром которой выступало национальное государство — абсолютная монархия. Вот здесь уже в работах французских синонимистов (Ору, 2000:277—278) и наметился подход, который особенно внятно был артикулирован Шарлем Балли и лег в основу функциональной стилистики и теории нормы, окончательно сформировавшейся после работы Пражского лингвистического кружка. Именно понятие нормы сделала идеи Балли привлекательными для стилистов. Ср.: «Ведь Ш. Балли был едва не первый, кто ясно определил „поле стилистики“ в отношении языковой системы» (Ревизина:24—25). Пражане и их последователи вслед за Соссюром широко пользовались словом «система», хотя сказать, что это была система в том смысле, в каком это слово использовал Норберт Винер, видимо, нельзя. Теория систем учит нас, что системы бывают управляемые (искусственные) и адаптивные (естественные), обладающие свойством гомеостаза, которое можно сообщить и искусственным системам.

Термин «гомеостаз» (система, поддерживающая параметры своего существования) был введен биологом Кенноном (Cannon, 1952), а применительно к языковым системам был использован в моей работе 2001 г. (Хазагеров, 2001), однако споры вокруг системности языка никогда не затрагивали вопроса о гомеостазе. Системность чаще всего понималась просто как взаимная обусловленность элементов. Такой обусловленности требуют и от системы фигур. Соответственно, и систематизация фигур требовала такой же обусловленности. Как в языке есть синонимы, гиперонимы и антонимы, так и в терминосистеме должны прослеживаться аналогичные отношения. Разумеется, ничего подобного в исторически сложившейся риторической терминологии не наблюдалось. Последовали многочисленные жалобы на эту ситуацию [Ахманова, 1996; Дюбуа, Эделин, Клинкаенберг, Мэнге, Пир, Тринон, 2006:29—30), а затем и предложения по наведению порядка в «системе фигур» (Карасик, 2014; Сковородников, 1997), в чем участвовал и автор настоящей статьи, готовя «Риторический словарь» (Хазагеров, 2009).

Отметим, однако, что экологический аспект языка объективно толкает нас к рассмотрению языковых систем именно как систем адаптивных, возвращает

«к пониманию языка как живого организма» (Карасик, 2014:118), заставляет искать параллели с живыми системами (Арнольд, 1999: 93—94). Разумеется, говорить о гомеостазе применительно к классификации фигур, существующей на бумаге, не приходится. Наши схемы и таблицы самостоятельно не обладают свойством адаптироваться к изменениям среды, в чем, увы, легко убедиться. Однако система фигур как социальное явление, обслуживающее дискурс, таким свойством обладает, и достигает его не за счет логической стройности, а за счет обратной связи. Те самые риторические каталоги, «журналы риторической моды», что создавались в античности, будучи взяты как социальное явление, как раз и являли примеры адаптирующихся систем, обладали свойством гомеостаза, помогали риторике «выживать». Если игнорировать этот факт, мы останемся наедине с распространенным, к сожалению, мнением, что античные классификации ни на что не годятся, а заодно и упустим из виду целое измерение, в котором можно и нужно рассматривать фигуры.

3. РИТОРИЧЕСКИЕ ФИГУРЫ В ТРЕХМЕРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕЛЕЙ ГОВОРЯЩЕГО

Подойдем теперь к проблеме с другой стороны: какую роль играют фигуры в жизни современного социума? Пространство целевых установок (прагматик) говорящего трехмерно. Это ближняя прагматика — успешность в пределах речевого акта. На ней сконцентрированы сегодня усилия и академической риторики, и многочисленных тренингах. Это продолженная прагматика — репутация говорящего человека, складывающаяся из его речевого поведения в данной социальной группе. Здесь следует отметить появившуюся более полувека назад теорию управления производимыми впечатлениями социолога Эрвина Гоффмана (Goffman, 1953), но не получившую адекватного отражения в риторике. Это, наконец, дальняя прагматика — забота говорящих об общем коммуникативном благе, что становится актуальным в аспекте экологических идей.

Начнем с дальней прагматики. Античное коллекционирование, поздние риторические прескрипции, культура речи, лингвистическая экология, постулаты речевого общения — все это по-разному позволяло решать задачи дальней прагматики, то есть задачи культивирования коммуникативного пространства. Особенность же этого пространства сегодня состоит, во-первых, в том, что в нем исчезла агора — специальное место, физическое или виртуальное, в котором реализуется публичная речь. Скажем, мы широко употребляем выражение «электронный форум», но форума, соизмеримого по общественной роли с Римским форумом нет. Об исчезновении агоры пишет социолог Зигмунд Бауман (Бауман, 2005:31). Публичность в старом смысле слова и массовость аудитории перестали совпадать. Спонтанная, не официальная, не выверенная речь может собирать миллионные аудитории. В этом контексте падает авторитет как языковой, так и коммуникативной нормы, а норму стилистическую становится даже трудно сформулировать. Нарушение языковой нормы и деструктивное коммуникативное поведение в речи телеведущих, в передачах вроде «К барьеру!» воспринимается аудиторией как обыч-

ное явление. Во-вторых, доступ к информации, организованной как гипертекст, подрывает идею целостности текста, авторского замысла и в качестве следствия — уничтожает авторитеты и обезличивает общение. В этом контексте все большую роль начинает играть краудсорсинг, меньшую — те или иные эксперты. «Crowdsourcing» — термин, введенный в бизнесе в 2006 г. и определяемый как *the practice of obtaining needed services, ideas, or content by soliciting contributions from a large group of people, especially an online community, rather than from employees or suppliers (Crowdsourcing)*. Термин получил широкое распространение. По сути дела, речь идет об использовании ресурсов самоорганизации в различных областях деятельности.

В данной ситуации наиболее уязвимой становится попытка регламентировать общение «сверху» с помощью грамматических, стилистических и риторических прескрипций. В нашем случае — с помощью системы строго описанных риторических фигур, предложенных в качестве «вторичной грамматики». Коллекционирование фигур имеет здесь преимущество, поскольку речь идет лишь о предложении, а не о регламентации. Кроме того, прецедентное мышление сегодня гораздо активнее, чем двадцать — тридцать лет назад. Короткая, но яркая жизнь «олбанского языка», жизнь разнообразных мемов свидетельствуют о том, с какой легкостью отзывается современный человек на логически и контекстуально не мотивированные, как бы самопровозглашенные прецедентные высказывания: «зожигай криведко». Постулируется, что вводимое высказывание, вводимый мем есть прецедент, который следует тиражировать. Это можно трактовать как проявление перформативности в ущерб текстуальности. Функция самопрезентации превалирует над информативной: содержание равно предъявлению, как в настоящем перформативе.

Однако если коллекционирование фигур, фигурные каталоги могли бы в значительной степени культивировать общение, отвечая на первый вызов — отсутствие агоры, второй вызов — отсутствие авторитетов — будет мешать распространению каталогов. В условиях краудсорсинга филологи могли бы лишь инициировать процесс появления каталогов, а в условиях флешмобности (способности точно мобилизовать большую массу людей для какой-то акции) они должны приложить усилия по их сохранению и обновлению. Так или иначе, но наличие в доступе пополняемых каталогов, «журналов языковой моды» при стимуляции частого к ним обращения, поднятии их социального веса сделали бы для дальнейшей прагматики больше, чем любая самая изошренная классификация, оставшаяся в стенах университетов.

Однако в отношении дальнейшей прагматики классификация фигур имеет и определенное дескриптивное значение. В этом смысле актуальным остается, например, противопоставления фигур прибавления фигурам перестановки и разрыва, анафор и эпифор — парентезам и инверсиям. В теории синтаксиса это отражено в противопоставлении классической и новой парадигмы, изучаемом главным образом на материале художественной прозы. В самом деле, периодическому синтаксису, синтаксису, который Аристотель считал противоположностью неупорядоченной, архаичной речи, в языке современной прозы противостоит актуализу-

ющий синтаксис с обилием вставок, ослаблением связей, что подчеркивается отсутствием знаков препинания или их ненормативным употреблением (Покровская, 2006). Для описания подобных «больших» явлений в синтаксисе потребна внятная классификация фигур. Но, как представляется сейчас, выделение фигур прибавления, убавления, перестановки и разрыва (старый метаплазм) вполне пригодно для этих целей.

С точки зрения продолженной прагматики фигуры (и тропы) должны преподаваться таким образом, чтобы отвечать интенциям говорящих в отношении поддержания ими того или иного языкового имиджа. Здесь потребна сугубо функциональная классификация.

Репутация говорящего складывается из его речевого поведения и несводима к успешности—неуспешности отдельных речевых актов. Момент длящегося общения здесь чрезвычайно важен, но именно он чаще всего игнорируется лингвистами, попавшими под обаяние теории речевых актов. К сожалению, существующие наработки в области имиджологии не входят в языковые детали. Кроме того, создается впечатление, что имидж рассматривается как нечто поверхностное, как легко снимаемая и надеваемая языковая маска, чего о репутации, конечно, сказать нельзя. При этом есть определенная, подкрепленная рыночным запросом потребность выстраивания языковой репутации. Эта неразработанная и перспективная область, безусловно, нуждается в собственной классификации фигур. Попытки такой классификации предпринимаются сегодня нашей проблемной группой. В основе подхода лежат актуальные коммуникативные запросы (потребности в тех или иных типах имиджа), этим запросам ставятся в соответствие типы фигур, что проверяется экспериментально.

Наконец, задачи ближней прагматики от века остаются главной задачей риторики как педагогической дисциплины. Классификация в этой области не может быть простой дескрипцией языковых явлений, но, не всегда она является и прескрипцией, обучением «правилам». Ее задача — вооружить обучаемого инструментарием убеждающей речи. Традиционно этот инструментарий подавался так, что одновременно служил и задачам дальней прагматики: фигуры были и средством убеждения, и средством упорядочения словесного космоса. Сегодня, в век тренингов, этот второй план ускользает даже от внимания университетского преподавателя. Однако так или иначе преподавание риторики должно быть связано с развитием языковой личности, с «воспитанием оратора», с риторическим идеалом, которому посвящено немало работ (Сковородников, 1997). Таким образом, оно лежит, должно лежать — и это как раз зависит только от нас — в области пайдей. Мы используем здесь этот греческий термин, обозначающий воспитание, подчеркивая идею «культивирования». В новое время этим термином пользовался Монтимер Адлер с его декларацией демократически ориентированной образовательной программы (Adler, 1998). Для этих целей, как кажется, потребна не какая-то новая классификация, отличающаяся безукоризненной четкостью, а знакомство со старыми классификациями и терминами как прецедентами культуры и пищей для ума. В этом смысле изгнание риторической терминологии, а такие призывы раздавались на межвузовском круглом столе по риторике, не представляется правильным шагом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, была поставлена задача рассмотреть классифицирование фигур с точки зрения смысла, и не в последнюю очередь социального, который стоит за этим занятием.

По моему глубокому убеждению, фигуры следует классифицировать так, как того требует не абстрактный принцип, а задача, поставленная экстралингвистической действительностью. Поскольку таких задач можно насчитать по крайней мере три в связи с тремя целями говорящих (ближней, дальней и продолженной прагматикой), то и классификация для каждой задачи должна быть разной.

© Хазагеров Г.Г., 2016

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Аннушкин В.И., Карпюк Г.В. Первая Московская Всероссийская конференция по риторике // *Риторика*. 1997. № 1 (4). С. 167—175.
- Арнольд И.В. Современные лингвистические теории взаимодействия системы и среды // И.В. Арнольд *Семантика. Стилистика. Интертекстуальность*. Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1999. С. 92—105.
- Асинович А.А. *Фигуры прибавления в античной, византийской и современной риториках: сопоставительный анализ* [Электронный ресурс]. URL: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103809/1/184-187.pdf>.
- Ахманова О.С., Натан Л.И., Полторацкий А.И., Фающенко В.И. *О принципах и методах лингвистических исследований*. М., 1966. 607 с.
- Бауман З. *Индивидуализированное общество*. М.: Логос, 2005. 390 с.
- Будагов Р.А. Литературные языки и языковые стили. М., 1967. 367.
- Витрувий Марк. *Десять книг об архитектуре*. М.: Изд-во Всесоюзной Академии архитектуры, 1936. 331 с.
- Гаспаров М.Л. Античная риторика как система // *Михаил Гаспаров Об античной поэзии*. СПб.: Азбука, 2000. С. 424—472.
- Горнфельд А.Г. *Фигуры*. Энциклопедический словарь / Под изд. Ф.Ф. Брокгауза, И.А. Ефрона. СПб., 1902. Т. 35а С. 647—650.
- Дюбуа Ж., Эделин Ф., Клинкаенберг Ж.М., Мэнге Ф., Пир Ф., Тринон А. *Общая риторика*. М., 2006. 670 с.
- Карасик В.И. *Языковое проявление личности*. Волгоград: Парадигма, 2014. 384 с.
- Корольков В.И. К теории фигур // Научн. труды Московского пед. ин-та иностр. яз. им. М. Горького. *Вопросы романо-германской филологии*. М., 1974. Вып. 38.
- Куликова Э.Г. *Норма в лингвистике и паралингвистике*. Ростов-на-Дону: РГЭН «РИНХ», 2004. 319 с.
- Маркасова Е.В. *Представления о фигурах речи в русских риториках XVII — начала XVIII века*. Петрозаводск: ПетрГУ, 2002. 254 с.
- Матезиус В. О необходимости стабильности литературного языка // В. Матезиус *Избранные труды по языкознанию*. УРСС, 2003. С. 194—210.
- Москвин В.П. *Теоретические основы стилистики*. М.: «Флинта». «Наука», 2016. 280 с.
- Ору Сильвен Две гипотезы о происхождении сосюрговской концепции языковой значимости // Ору Сильвен *История. Эпистемология. Язык*. М.: Прогресс, 2000. С. 274—280.

- Покровская Е.А. Роль прозы шестидесятников в становлении языка литературы неклассической парадигмы // *Политическая лингвистика*. 2006. № 18.
- Ревзина О.Г. Стиль и стилистика Ю.С. Степанова // Критика и семиотика [Электронный ресурс]. URL: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs17_revzina.pdf.
- Саари Х. Норма, потенциал и эластичная кодификация // *Общелитературный язык и функциональные стили*. Вильнюс, 1986. С. 43.
- Сиротинина О.Б. Типы речевых культур и проблема кодификации норм // *Словарь и культура русской речи*. М.: Индрик, 2001. С. 314—324.
- Сковородников А.П. О содержании понятия «национальный риторический идеал» применительно к современной российской действительности // *Теоретические и прикладные аспекты речевого общения: Научно-методический бюллетень*. Вып. 5. Красноярск-Ачинск, 1997. С. 27—37.
- Скребнев Ю.М. Тропы и фигуры как объект классификаций // *Проблемы экспрессивной стилистики*. М.: РГУ, 1987.
- Топоров В.Н. Фигуры речи // *Лингвистический энциклопедический словарь*. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 542—543.
- Хазагеров Г.Г. Метаплазм и вариант // *Седьмые международные Виноградовские чтения «Русский язык в многоаспектном описании»*. М., 2004.
- Хазагеров Г.Г. «Образех»: Иоанн, Хировоск, Трифон // *Известия РАН, сер. «Литература и язык»*. 1994. № 1.
- Хазагеров Г.Г. *Риторический словарь*. М.: Флинта, 2009. 431 с.
- Хазагеров Г.Г. Система убеждающей речи как гомеостаз: ораторика, гомилетика, дидактика, символика // *Социологический журнал*. М., 2001. № 3.
- Хазагеров Г.Г. Форма, норма, репутация и задачи стилистики // *Актуальные проблемы стилистики*. 2016. № 2. С. 38.
- Хазагеров Т.Г. К вопросу о классификации экспрессивных средств (изобразительные схемы) // *Проблемы экспрессивной стилистики*. Изд-во Ростовского ун-та, 1987. С. 65—77.
- Adler Mortimer, J. (1998). *The Paideia Proposal: An Educational Manifesto*. Paperback, Touchstone.
- Bonheim, H. (1975). Bringing classical rhetoric up-to-date, *Semiotica*, 13 (4).
- Bußmann, H. (1990). *Lexikon der Sprachwissenschaft*. Stuttgart.
- Cannon W.B. (1954). *The wisdom of the Body*. New-York, NY: Greenwood.
- Coseriu, E. (1952). *Systema, norma y habla*. Montevideo.
- Crowdsourcing // <http://www.merriam-webster.com/dictionary/crowdsourcing>
- Crystal, D. (2015, May 22). *What is Standard English?* Retrieved from: www.davidcrystal.com.
- Grice, H.P. (1975) Logic and Conversation. Syntax and Semantic 3, Speech Acts. New-York: Academic Press, 1975. P. 41—58.
- Goffman, E. (1953). *Presentation of Self in Everyday Life*. Edinburg.
- Edlicka, A. (1964). Zur Prager Theorie der Schriftsprache. *Travaux Linguistiques de Prague*, 1, 47—58.
- Encyclopedia of Rhetoric and Composition: Communication from Ancient Times to the Information Age. (1996). In Theresa Enos (ed.). Taylor & Francis.
- Jacobson, R.O. (1956). Two aspects of language and two types of aphasic disturbances. In M. Halle, R. Jakobson (Eds.). *Fundamentals of Language*. “Janua Linguarum”, Gravenhage. 55—82.
- Lachmann, R. (1994). *Die Zerstörung der Schönen Rede. Rhetorische Tradition und Konzepte des Poetischen*. München: Wilhelm Fink.

- Lanham, R. (1968). *A Handlist of Rhetorical Terms*. LA: University of California press. Berkley and Los Angelos.
- Lausberg, H. (1960). *Handbuch der literarischen Rhetorik*. München: Max Huber.
- Mar, Del E (1842). *English language*. London: Gradock and CO London.
- Plett, H.F. (2009). *Literary rhetoric: concepts-structures-analyses*. Leiden.
- Tryphon (1911), “Περὶ τρόπων”. In Spengel (ed.) III.
- Quintilians institutes of oratory or elocution of an orator. (1909). London: George Bell ad sons. 1909.
- Trufwno Vperitropwn (1856) // Spengel R. *Rhetoric Graeci ex recognitione*. Lipsiae. 1856. Vol III.

История статьи:

Дата поступления в редакцию: 14 мая 2016

Дата принятия к печати: 29 июня 2016

Для цитирования:

Хазагеров Г.Г. Телеологический смысл и социальная роль классификации риторических фигур // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика*. 2016. Т. 20. № 3. С. 89—102.

Сведения об авторе:

Хазагеров Георгий Георгиевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Южного федерального университета. *Сфера научных интересов*: рецепция античных теорий стиля и учения о тропах и фигурах в теории и практике отечественного красноречия. На протяжении последних десяти лет активно интересуется риторикой как институтом государственного строительства, что нашло отражение в публицистических выступлениях и культурологических изысканиях. Автор книг и статей по риторике и русской филологии, вузовских учебников по риторике. *Контактная информация*: личная страница: www.hazager.ru; e-mail: george.khazagerov@gmail.com.

THE TELEOLOGICAL SENSE AND SOCIAL ROLE OF RHETORICAL FIGURES CLASSIFICATION

G.G. Khazagerov

Southern Federal University
105, Sadovaja Str., 34404005, Rostov-on-Don, Russia

The article deals with a classification of rhetorical figures. This classification views rhetorical figures in a context of their goals. The author believes that classical rhetoric did not aim to give a systematic description of figures. Ancient lists of terms were simple catalogues, similar to modern product catalogues, and for cultivation of a communicative space, this approach was relevant. Classical rhetoric experience can be used today because strictly logical classifications of figures lost their social role in the end of the twentieth century. An adequate approach to the classification of figures depends on speaker's objectives. This article discusses three types of those objectives. The first one deals with *hic* and *nunc*. We call it short-term pragmatics. The second one is related to the reputation and image of a speaker. It is continued pragmatics. The third is aimed at the cultivation of a communicative space and we call it long-term pragmatics. Thus,

we have three strategies for classifying rhetorical figures that can have both social and academic value. In case of the short-term pragmatics, the main purpose of figures classification is pedagogical. A classification should be simple and memorable. In case of the continued pragmatics, we need to connect figure types with speaker intentions, showing which type contributes to which image. This means that to start with, we need to create a map of intentions that would serve a basis for the classification. In case of the long-terms pragmatics, we need to create open lists of figures like they did in ancient times, and ensure their distribution in the public space outside of the university walls.

Key words: rhetoric, classical rhetoric, figures of rhetoric, classification

REFERENCES

- Akhmanova, O.S., Natan, L.I., Poltoratskii, A.I., Fayushhenko, V.I. (1966). *O printsipakh i metodakh lingvisticheskikh issledovaniy* [About principles and methods of linguistic researches]. Moscow. (In Russian).
- Annushkin, V.I., Karpyuk, G.V. (1997). *Pervaya Moskovskaya Vserossiiskaya konferentsiya po ritorike*. [First Moscow rhetoric conference]. Moscow: Ritorika, 1. 167—175. (In Russian).
- Arnol'd, I.V. (1999). *Sovremennye lingvisticheskie teorii vzaimodeystviya sistemy i sredy* [Contemporary linguistic theories of cooperation of system and environment]. Saint-Petersburg: Izdatel'stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta. 92—105. (In Russian).
- Asinovich, A.A. (2013). *Figury pribavleniya v antichnoi, vizantijskoi i sovremennoi ritorikakh: sopostavitel'nyi analiz* [Figures of Addition in the antique, Byzantine and contemporary rhetoric]. Downloaded from: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/103809/1/184-1>. (In Russian).
- Bauman, Z. (2005). *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualized society]. Moscow: Logos. (In Russian).
- Budagov, R.A. (1967). *Literaturnye yazyki i yazykovye stili* [Standard languages and linguistic style]. Moscow. (In Russian).
- Dyubua, Zh., Edelin, F., Klinkenberg, Zh.-M., Menge, F., Pir, F., Trinin, A. (2006). *Obshchaya ritorika* [General rhetoric]. Moscow. (In Russian).
- Gasparov, M.L. (2000). *Antichnaya ritorika kak sistema* [Antique rhetoric]. Saint-Petersburg: Azbuka. 424—472. (In Russian).
- Gornfel'd, A.G. (1902). *Figury. Entsiklopedicheskii slovar'* [Figures. Encyclopedic dictionary]. In F.F. Brokgauz, I.A. Efron (ed.). Saint-Petersburg. 647—650. (In Russian).
- Karasik, V.I. (2014). *Yazykovoye proyavleniye lichnosti* [The Linguistic Manifestation of Personality]. Volgograd: Paradigma.
- Khazagerov, T.G. (1987). *K voprosu o klassifikatsii ehkspressivnykh sredstv* [The question of classification of tropes]. Rostov: Izdatel'stvo Rostovskogo universiteta. 65—77. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (1994). *O obrazekh: Ioann, KHirovosk, Trifon* [On Images: John, Hirovosk, Tryphon]. Moscow: Izvestiya RAN, Literatura i Yazyk, 1. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2001). *Sistema ubezhdayushhej rechi kak gomeostaz* [The system of convicting speech as gomeostasis: oratorics, gomiletics, didactics, and symbolism]. Moscow: Sotsiologicheskii zhurnal, 3. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2004). *Metaplazm i variant* [Metaplasm and Variant]. Moscow. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2009). *Ritoricheskii slovar'* [Rhetoric dictionary]. Moscow: Flinta. (In Russian).
- Khazagerov, T.G. (2016). *Forma, norma, reputatsiya i zadachi stilistiki* [Form, norm, reputation and the mission of stylistics]. 38. (In Russian).

- Korol'kov, V.I. (1974). *K teorii figur* [Toward the theory of figures]. Moscow. (In Russian).
- Kulikova, Eh.G. (2004). *Norma v lingvistike i paralingvistike* [Norm in Linguistics and Paralinguistic]. Rostov-na-Donu: RGEHN "RINKH". (In Russian).
- Markasova, E.V. (2002). *Predstavleniya o figurakh rechi v russkikh ritorikakh XVII — nachala XVIII veka* [Concept of figures of speech in the Russian rhetoric of XVII — beginning XVIII century]. Petrozavodsk: PetrGU. (In Russian).
- Matezius, V. (2003). *O neobkhodimosti stabil'nosti literaturnogo yazyka* [About the requirement of stability in literary language]. Moscow: URSS. 194—210. (In Russian).
- Moskvin, V.P. (2016). *Teoreticheskie osnovy stilistiki* [Theoretical basis of stylistic]. Moscow: Flinta. Nauka. (In Russian).
- Oru, S. (2000). *Dve gipotezy o proiskhozhdenii sosyurovskoi kontseptsii yazykovoi znachimosti* [Two hypotheses about the origin of Saussure's conception of language importance]. Moscow: Progress. 274—280. (In Russian).
- Pokrovskaya, E.A. (2006). *Rol' prozy shestidesyatnikov v stanovlenii yazyka literatury neklassicheskoi paradigm* [The role of the prose of the sixties in the development of language, literature, the non-classical paradigm]. (In Russian).
- Revzina, O.G. (2012). *Stil' i stilistika YU.S. Stepanova* [Style and stylistics of Y.S. Stepanov]. Downloaded from: http://www.nsu.ru/education/virtual/cs17_revzina.pdf.
- Saari, X. (1986). *Norma, potentsial i ehlastichnaya kodifikatsiya* [The norm, potential and elastic codification]. Vil'nyus. (In Russian).
- Sirotnina, O.B. (2001). *Tipy rechevykh kul'tur i problema kodifikatsii norm* [Types of speech cultures and the problem of codification of norms]. Moscow: Indrik. 314—324. (In Russian).
- Skovorodnikov A.P. (1997). *O sodержanii ponyatiya «natsional'nyi ritoricheskiy ideal» primenitel'no k sovremennoi rossiiskoi deistvitel'nosti* [The content of the concept "national rhetorical ideal" as applied to modern Russian reality]. Krasnoyarsk—Achinsk. 5, 27—37. (In Russian).
- Skrebnev, Yu.M. (1987). *Tropy i figury kak ob"ekt klassifikatsii* [Tropes and figures as an object of classifications]. Moscow: RGU. (In Russian).
- Toporov, V.N. (1990). *Figury rechi* [Figures of speech]. Moscow: Sovetskaya ehntsiklopediya. (In Russian).
- Vitruvii, M. (1936). *Desyat' knig ob arkhitekture* [Ten books about architecture]. Moscow: Izdatel'stvo Vsesoyuznoj Akademii Arkhitektury. (In Russian).

Article history:

Received: 14 May 2016

Revised: 28 May 2016

Accepted: 29 June 2016

For citation:

Khazagerov, G. (2016). The Teleological Sense and Social Role of Rhetorical Figures Classification. *Russian Journal of Linguistics*, 20 (3), 89—102.

Bio Note:

Georgiy G. Khazagerov, Professor of Russian Language Department at Southern Federal University. *Research interests*: ancient theories of style and the theory of tropes and rhetoric figures, as well as their reflection in modern cultures and their interpretation in present-day Russian eloquence. Over the last ten years he has been doing research in rhetoric as an institution of state-building and the shaping of the society. He is an author of a wide range of educational publications and books on rhetoric and Russian philology including coursebooks on rhetoric for university students. *Contact information*: www.hazager.ru; e-mail: george.khazagerov@gmail.com.